

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Андрей Владиславович Юревич

Психология

социальных явлений

Серия «Психология

социальных явлений»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25014022

А. В. Юревич. Психология социальных явлений: Институт психологии

РАН; Москва; 2014

ISBN 978-5-9270-0288-7

Аннотация

Книга представляет собой очередной шаг в развитии макропсихологии – психологическом изучении процессов, проблем и явлений, соразмерных обществу в целом. В ней рассмотрены нравственно-психологическое состояние современного российского общества, психологические аспекты агрессивности, коррупции, социальной несправедливости, чрезмерного неравенства доходов, кадровой политики, модернизации. Осуществляется также психологический анализ строения национального менталитета, психологических предпосылок революций, коллективных смыслов как основы индивидуального счастья, коллективных образов будущего и др.

Содержание

Введение	5
Часть I. Нравственно-психологическое состояние современного российского общества	15
Глава 1. Количественная оценка психологического состояния общества	15
Индекс психологического состояния общества	15
Динамика психологического состояния России	28
Повышение жизнеспособности общества	38
Глава 2. Экспертная оценка психологического состояния России	50
Методология экспертного опроса	50
Негативная динамика	55
«Созидательный альтруизм» и «агрессивный эгоизм»	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андрей Юревич
Психология
социальных явлений

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2014

* * *

Введение

Одной из основных тенденций в развитии современной психологической науки является расширение ее объекта – обращение к социальным проблемам и явлениям, которые традиционно относились к территории других научных дисциплин, ее проникновение на эту территорию, порождающее как формирование новых междисциплинарных исследовательских областей, так и новых разделов психологии. Эта тенденция выражает как внутреннюю логику развития психологии, так и то обстоятельство, что в современном обществе трудно найти социальную, экономическую или политическую проблему, которая не имела бы ярко выраженный психологический компонент. Попытки изучения и решения этих проблем в абстрагировании от психологического, «человеческого» аспекта порождают хорошо знакомую ситуацию под названием «опять забыли про человека», а также абстрактные модели социальных преобразований, при их реализации в той или иной конкретной стране подчас дающие результаты, противоположные задуманным. Обращение к таким проблемам, как коррупция, запредельное неравенство доходов, преступность, терроризм и т. д., являющееся особо актуальным для современного российского общества, тоже высвечивает отчетливо выраженную психологическую составляющую, без учета которой их сколь-либо удовлетво-

рительное решение не представляется возможным.

Очень характерным стало и обращение при обсуждении самых разнообразных социальных проблем к специфике российского менталитета как к фактору, который необходимо принимать во внимание при планировании любых социальных изменений. Одновременно наблюдается и тенденция к психологизации общих ориентиров развития человечества, в частности, переориентация таких организаций, как ООН, Европейская Комиссия, Всемирный банк и др., с чисто экономических показателей на такие цели, как повышение уровня счастья, субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью граждан различных стран.

Таким образом, расширение объекта психологической науки – ее обращение к социальным проблемам и явлениям, которые традиционно относились к области изучения других наук – сочетается с встречной тенденцией – обращением этих наук к психологической проблематике, которая естественным образом дополняет их традиционные объекты.

Относительно новый (как хорошо известно, все новое – это хорошо забытое старое) раздел психологической науки, в наибольшей степени отвечающий подобным тенденциям – макропсихология (по аналогии с макроэкономикой), психологическое изучение проблем и явлений, релевантных обществу в целом. Ее место в системе традиционных объектов психологической науки можно охарактеризовать как надстраивание над наиболее «социальным» из объектов со-

циальной психологии – большими социальными группами. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что социальные явления, которые изучает макропсихология, не только надстраиваются над этими объектами, но и пронизывают их. Например, такое явление, как коррупция, являющаяся проблемой, существующей на уровне того или иного общества в целом, проявляется также на уровне составляющих его больших и малых групп, а также на уровне личности. То же самое относится к таким проблемам, как неравенство доходов, преступность, терроризм, специфика национального менталитета и т. д., каждая из которых пронизывает все слои социальной организации от личности до общества и даже человечества в целом. Макропсихологический характер подобных проблем заключается в том, что они не могут быть полноценно изучены, а тем более решены на более низких уровнях социальной организации, без обращения к обществу в целом и его макропсихологическим характеристикам.

Настоящая книга продолжает реализацию макропсихологического подхода, в последние годы развиваемого на базе Института психологии РАН с привлечением исследователей из других организаций (Макропсихология современного российского общества, 2009; Психология нравственности, 2010; Психологические исследования духовно-нравственных проблем, 2011; Психологические проблемы современного российского общества, 2012; Нравственность современного российского общества: Психологический ана-

лиз, 2012; Проблемы психологической безопасности, 2012; и др.).

В современной российской науке становится традицией ориентироваться на стандарты, существующие в западной науке (нередко при сильном их искажении), на «конвертируемость» производимого знания путем публикации результатов исследований в международных журналах и т. п. и, соответственно, при использовании тех или иных терминов как минимум держать в уме их эквиваленты или референты, принятые в англо-американской психологической литературе. Таким англо-американским референтом словосочетания «психология социальных явлений», вынесенным в название этой книги, является термин «psychology of social issues», имеющий в зарубежной психологии достаточно широкое применение. Он шире и в целом удачнее, нежели «психология социальных явлений», поскольку включает также психологические компоненты социальных *проблем* и другие подобные сюжеты. Однако ввиду отсутствия его русскоязычного эквивалента автору пришлось ограничиться имеющимся термином с обозначением того, что реально подразумевается его более широкое содержание, выходящее за пределы психологического компонента собственно социальных *явлений*.

Разумеется, автор ни в коей мере не претендует на то, чтобы дать сколь-либо полное психологическое описание социальных проблем и явлений, имеющих ключевое значение

для современного российского общества, а тем более для современного общества в целом. Это и в принципе невозможно, поскольку таких проблем и явлений можно выделить бесконечное множество, а практически каждая (каждое) из них, как отмечалось выше, имеет ярко выраженную психологическую сторону. Поэтому содержащийся в книге анализ осуществлен скорее в жанре case study, т. е. представляет собой психологическое изучение *отдельных* социальных явлений и направлен не на их сколь-либо целостное препарирование, а на то, чтобы обозначить и подвергнуть анализу их психологическую составляющую. При этом автор убежден в том, что выделенные им явления действительно *существенны*, концентрируют в себе важные характеристики и перво-степенные проблемы современного общества.

Применительно к современному российскому обществу в качестве таких существенных социальных явлений, имеющих важную психологическую сторону, выделены агрессивность, коррупция, чрезмерное неравенство доходов, механизм выдвижения руководящих кадров, модернизация и др. В качестве более глобальных социальных явлений, имеющих значение не только для современной России, но и для всего современного мира (и не только современного), рассмотрены структура национального менталитета, революции, счастье, общая траектория развития современной цивилизации. Вместе с тем следует отметить, что разделение социальных явлений на имеющие российское и общемировое значение

довольно условно. Первые – такие как агрессивность, коррупция, неравенство доходов – актуальны для всего современного мира, вторые – структура национального менталитета, революции, счастье, общая траектория развития цивилизации – имеют важное значение и для нашей страны, в результате чего во многом окрашены в книге «в российские цвета».

Книга представляет собой очередной шаг макропсихологического анализа социальных явлений. Задачи, вынесенные в ней за скобки, такие как систематизация хотя бы основных социальных явлений, имеющих ярко выраженную психологическую сторону, концептуализация их психологических факторов, ни в коей мере не снимаются автором с повестки дня, а лишь рассматриваются им как дальнейшие и необходимые этапы развития макропсихологического подхода. По мнению автора, этот подход имеет большое будущее, поскольку современное общество все более отчетливо осознает, что его основные проблемы имеют психологическую составляющую, а их научное изучение и решение не могут быть полноценными без активного участия психологической науки. Есть все основания предполагать, что те вызовы, которые ожидают как цивилизацию в целом, так и наше российское общество, будут «психологизированы» не меньше, нежели современные проблемы.

Вместе с тем уже сейчас можно в первом приближении набросать общие контуры «встраивания» психологических

процессов в такие, казалось бы, имеющие между собой мало общего социальные явления, как агрессивность, коррупция, неравенство доходов и др. Эти контуры задаются тем, что, как подчеркивал в своих работах Б. Д. Парыгин (Парыгин, 1971 и др.), объективная социальная реальность преломляется системой психологических опосредствований, которая определяет психологическое состояние и поведение людей.

Система психологических опосредствований включает следующие основные элементы: 1) образ социального мира в целом, 2) образ своей страны, 3) социальные представления о конкретных социальных явлениях, 4) отношение к другому человеку, 5) отношение к самому себе, 6) образы будущего.

Образ социального мира, естественно, многокомпонентен, включает множество самых разнообразных составляющих (на которых в данном контексте, естественно, нет возможности останавливаться), варьирует по своему богатству и насыщенности у разных людей в зависимости от богатства их жизненного опыта, когнитивной сложности и других психологических характеристик. Вместе с тем выделяются и основные психологические измерения этого образа, обобщенные различными психологическими теориями, например, такими, как теория веры в справедливый мир.

Образ своей страны тоже многосоставен, может быть образован взаимно противоречивыми элементами (например, «хороший» народ – «плохая» власть, богатые природные и человеческие ресурсы – «несчастливая» история) и тоже может

быть выстроен в системе психологических измерений.

Социальные представления о конкретных социальных явлениях очень вариативны, связаны с основными ценностями личности, ее социальными установками и т. д. Например, отношение к коррупции может варьировать от крайне негативного и порождающего экстремальное видение способов борьбы с нею (коррупционеров следует расстреливать, их имущество – конфисковывать и т. п.) до вполне толерантного, основанного на ее восприятии как неизбежной, «неизлечимой» и даже оказывающей позитивное воздействие на экономику.

Отношение к другому человеку и образ Другого, занимающий видное место во многих психологических теориях, естественно, даже на психологическом уровне является абстракцией, сформированной на основе очень различающихся между собой образов конкретных Других. Тем не менее, и он может быть сведен к системе общих знаменателей. Таких, как, например, проходящее красной нитью через многие теории человека и общества представление о том, что человек в целом «хорош», заслуживает доверия и поэтому нуждается лишь в минимальном внешнем социальном контроле (либерализм), или же что он «плох», агрессивен, всегда стремится к максимизации личных благ за счет окружающих и поэтому нуждается в достаточно строгом социальном контроле (консерватизм, хотя это общепринятое обозначение соответствующих социальных теорий явно неудачно).

Образ себя самого включает не только такие общеизвестные психологические компоненты, как уровень самооценки и т. д., но и, например, представления о том, приемлемо ли брать или давать взятки, жить намного лучше других за счет не слишком плотных стратегий экономического поведения, – о том, что вообще приемлемо, а что нет, на какие компромиссы с нравственными представлениями можно идти (и можно ли вообще), и какие цели оправдывают средства.

Образы будущего включают образы будущего человечества в целом, своей страны, конкретных социальных групп, себя самого, своего ближайшего окружения и др. Все их богатство и разнообразие укладывается в такие глобальные психологические «измерения», как оптимизм/пессимизм; подобно всем таким образам, они сильно эмоционально окрашены и задают жизненную перспективу личности.

Естественно, можно выделить не только перечисленные, но и другие важные психологические *медиаторы*, в системе которых объективная социальная реальность «психологизируется», инкорпорируется во внутренний мир личности, определяя ее психологическое состояние и поведение.

Подобные медиаторы встраиваются в социальные явления, образуя их психологическую ткань, формируют их психологический компонент, о котором пойдет речь в этой книге. Одновременно они тянут за собой «шлейф» психологических процессов и феноменов, которые покрывают практически все исследовательское поле психологической науки

и образуют объект макропсихологии, или психологии социальных явлений, контуры которой намечаются в данной работе.

Часть I. Нравственно- психологическое состояние современного российского общества

Глава 1. Количественная оценка психологического состояния общества

Индекс психологического состояния общества

В первые годы реформ для нашего общественного сознания был характерен «экономический детерминизм» – восприятие и объяснение происходящего в социуме как детерминированного преимущественно экономическими причинами. Практически все основные цели, которые ставились перед нашим обществом в начале реформ, – построение рыночной экономики, рост ВВП, укрепление рубля, снижение инфляции и т. п. – носили чисто экономический характер,

а такие проблемы, как острейшая социальная несправедливость, криминализация, коррупция, деградация морали, социальная и физическая незащищенность граждан и др., хотя и не были обделены вниманием властных структур и СМИ, все же рассматривались в качестве второстепенных. Разумеется, было бы абсурдным отрицать чрезвычайную важность перечисленных экономических целей, но их достижение само по себе не обеспечивает главной задачи любых реформ – *повышения благополучия граждан*, а, например, вопрос о том, можно ли считать благополучной страну, где ВВП растет, а численность населения ежегодно сокращается, принадлежит к числу риторических.

Несмотря на очевидные недостатки «экономического детерминизма», который А. Токвилль подвергает в своих работах (Тоqueville, 1955 и др.) разрушительной критике, К. Поланьи называет «экономическим заблуждением» (Polanyi, 1957), а М. Рац – «отрыжкой марксизма», подчеркивая производность «упертости в экономику» от марксистского разделения общества на экономический базис и, в общем-то, второстепенную социальную надстройку (Рац, 1997), подобный стиль мышления и объяснения происходящего в обществе не преодолен до сих пор, причем нашим экономистам-либералам, формально отвергнувшим марксизм, он свойственен не меньше, чем его правоверным адептам, свидетельством чему может служить, например, книга Е. Т. Гай-

дара (Гайдар, 2006)¹.

Вместе с тем в современной социогуманитарной науке сложилась очевидная необходимость более разностороннего, многомерного видения общества и многопланового рассмотрения факторов, влияющих на происходящее в социуме и на перспективы его развития.

Одним из таких факторов является *психологическое состояние общества*, по своей значимости вполне сопоставимое с его политическими и экономическими характеристиками. Для его оценки нами был разработан *композиционный индекс психологического состояния общества*, объединяющий два вторичных индекса – индекс психологической устойчивости общества и индекс его социально-психологического благополучия, каждый из которых в свою очередь интегрирует три первичных индекса (см. рисунок 1)².

В качестве первичных индексов рассматривались показатели, во-первых, релевантные психологическому состоянию общества и выражающие его, во-вторых, поддающиеся количественным измерениям. В этом плане расчет данного ин-

¹ В подобных случаях можно допустить и «защитный» характер узко экономических объяснений, когда действия реформаторов трактуются как «объективная» экономическая необходимость, снимая тем самым вопрос об их личной ответственности за содеянное.

² Перечисленные на рисунке первичные индексы можно сгруппировать и другими способами. Например, объединив во вторичные индексы: 1) психические расстройства и смертность от заболеваний нервной системы и органов чувств; 2) социальное сиротство и устойчивость семьи; 3) убийства и самоубийства.

декса продолжает традицию, сложившуюся хотя и не в психологической науке, но имеющую к ней непосредственное отношение (Гундаров, 2001; и др.). В частности, как отмечает В. В. Сулакшин, «в научной литературе известны попытки косвенного описания психологического состояния общества через количественные замеры девиантного поведения: убийств, самоубийств, проявления поведенческих агрессий, для которых существуют статистические данные» (Сулакшин, 2006, с. 76–77). Первой попыткой такого рода исследования, очевидно, следует считать одну из наиболее резонансных работ Э. Дюркгейма – «Самоубийство: Социологический этюд» (Дюркгейм, 1998).

Рис. 1. Структура композитного индекса психологического состояния общества

На первый взгляд, подобный подход – оценка психологического состояния общества по его *социальным* проявлениям, фиксируемым на уровне статистики, – существенно отличается от традиции вычисления количественных показателей, сложившейся в самой психологической науке. Однако эти различия не следует переоценивать. В тех случаях, когда психолог судит, например, о психологических качествах человека по результатам их тестирования, он тоже оценивает скрытые психологические сущности по их поведенческим или вербальным проявлениям. И в этом плане оценка психологического состояния общества на основе статистических данных не имеет принципиальных отличий от повседневной исследовательской практики психологов – за одним исключением, состоящим в том, что в первом случае «скрытой психологической сущностью» выступает психологическое состояние не отдельного человека, а общества в целом.

Аналогичный подход становится очень характерным для современной социогуманитарной науки, параллельно распространяясь в различных дисциплинах – в социологии, демографии и т. д. Социологи вычисляют индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др. (Балацкий, 2005а, б; Бойко, 1986), имеющие ярко выраженную психологическую составляющую³. Демографы подчиты-

³ Подчеркнем, что и первичные компоненты этих индексов тоже во многом

вают такие индексы, как коэффициент витальности страны (Сулакшин, 2006), тоже имеющие психологический оттенок. Широкое распространение получили и исследования такого феномена, как качество жизни, а также близких ему феноменов – субъективного благополучия и др., в изучении которых активное участие принимают и психологи (Biderman, 1970; Keltner, Locke, Audrian, 1993). Подобные, синхронно проявляющиеся в разных социогуманитарных дисциплинах, тенденции имеют общий знаменатель – *стремление количественно оценить социальные и психологические характеристики общества*, которые традиционно носили качественный характер, а также акцентировать для власти и общественного сознания их значимость в наиболее убедительной форме – в виде количественно зафиксированных тенденций⁴.

Относительно первичных показателей, положенных в основу расчета композитного индекса макропсихологического состояния общества, тоже следует сделать ряд замечаний.

Во-первых, каждый из них имеет не только психологи-

психологизированы. Например, индекс удовлетворенности жизнью, предлагаемый Е. В. Балацким, включает такие первичные показатели, как творческая самореализация, эффективные неформальные социальные контакты (дружба, общение, взаимопонимание и т. п.) (Балацкий, 2005б).

⁴ С. С. Сулакшин, например, по поводу вводимого им коэффициента витальности страны пишет: «Введение данного параметра объясняется также стремлением операционализировать в управленческом и правовом смысле признание человеческой жизни высшим мериллом государственно-управленческой успешности» (Сулакшин, 2006, с. 27).

ческий смысл и, в рамках сложившихся традиций их использования, как правило, употребляется не в психологическом значении. Однако каждый из них обладает и психологическим смыслом. Первичные показатели, на основе которых рассчитывается первый вторичный индекс, в большей степени релевантны *уровню личности* и характеризуют ее психологическую устойчивость, а первичные показатели, лежащие в основе второго вторичного индекса, релевантны *уровню межличностных отношений*, характеризуя степень их благополучности, устойчивость «первичных ячеек» общества, свойственное ему отношение к детям и к человеческой жизни вообще, сложившуюся в нем морально-психологическую атмосферу и т. п. При этом каждый из первичных показателей представляет собой «агрегированное явление, в котором уже произведено первичное „схлопывание“, сжатие социальной информации» (Балацкий, 2005б, с. 43).

Во-вторых, композитный индекс психологического состояния общества интегрирует далеко не все показатели, имеющие психологический смысл. По сути, он отражает степень психологического *неблагополучия* общества, будучи акцентированным преимущественно на негативных явлениях. Вообще довольно трудно найти существенный для общества и потому фиксируемый в статистических справочниках показатель, который был бы полностью лишен психологического значения. Вместе с тем, построение композитных индексов предполагает естественные ограничения: нельзя «объять

необъятное», охватив все более или менее релевантные показатели, и к тому же они обладают разной степенью психологической релевантности. Как подчеркивает Е. В. Балацкий, «число факторов не должно быть слишком большим (не больше 15), поскольку в противном случае индекс станет непрозрачным, а интерпретация количественных результатов превратится в трудоемкую процедуру» (там же). Поэтому в композитный индекс были включены лишь статистические показатели, обладающие наибольшей психологической релевантностью.

В-третьих, не все показатели оказались приемлемыми в условиях сложившейся в нашей стране системы их расчетов. Например, характеристикой общества, явно релевантной его психологическому состоянию, является уровень алкоголизма. Однако в нашей официальной статистике в качестве соответствующего показателя рассматривается количество лиц, обратившихся к наркологам. И поскольку такая традиция, в отличие от традиции обильного потребления спиртного, не характерна для России (мало кто из наших сильно пьющих сограждан обращается к наркологам, имея для этого все основания), то по данному параметру мы выглядим как практически непьющая нация, что явно противоречит статистике потребления спиртного на душу населения.

В-четвертых, наиболее высокой психологической релевантностью обладают «мягкие» индексы – индексы социаль-

ного самочувствия, социальных настроений и др., вычисляемые российскими социологическими службами. Однако они подсчитываются на основе выборочных опросов населения, не соотносимы с общестатистическими показателями и «привязаны» к определенным выборкам. Поэтому, не отвергая возможности вычисления и использования подобных индексов в дальнейшем, на данном этапе было целесообразно ограничиться лишь «жесткими» индексами, вычисляемыми на основе общероссийских статистических показателей. Следует отметить и то, что «слишком «податливые» индикаторы часто улавливают случайные социальные изменения, своего рода «белый шум», что лишь дезориентирует аналитика» (Балацкий, 2005а, с. 46). Так что и в данном плане «жесткие» индексы имеют определенные преимущества.

Первичные индексы рассчитывались на базе удельных показателей, т. е. соотношенных с численностью населения. Все значения показателей переводились в баллы от 1 до 10 (чем выше балл, тем выше значение соответствующего индикатора психологического состояния общества). Нормализация – перевод показателей в баллы – осуществлялась на основе сопоставления показателей по России с аналогичными показателями более развитых стран (согласно классификации ООН), разрабатываемыми соответствующими международными организациями. Первичный индекс – нормализованная оценка показателя в баллах от 1 до 10 – рассчитывался по формуле:

$$Y = 9 \cdot \frac{V_{\max} - V_y}{V_{\max} - V_{\min}} + 1,$$

где V_y – значение конкретного показателя для России за определенный год, V_{\max} – максимальное значение показателя среди стран данной группы в течение рассматриваемого периода, V_{\min} – минимальное значение соответствующего показателя в указанном международном контексте. Вторичные индексы и композитный индекс рассчитывались как среднеарифметическое индексов более низкого порядка.

Обнаружилась высокая корреляция первичных индексов между собой, т. е. *высокая согласованность различных показателей психологического состояния общества* (см. таблицу 1).

Высокая корреляция между первичными показателями свидетельствует об их взаимовлиянии. Одновременно она означает правомерность их объединения и рассмотрения в качестве выражения единого целого – психологического состояния общества. Факторный анализ подтверждает этот вывод (см. рисунок 2).

Первый фактор объясняет почти 72 % дисперсии и удовлетворяет критерию Кайзера – преодолевает порог соб-

ственного значения в 1,0. Таким образом, макропсихологические индикаторы образуют структуру с выраженным генеральным фактором. Двухфакторное решение хотя и не достигает уровня статистической значимости, но заслуживает внимания и поддается однозначной содержательной интерпретации. По первому фактору оказываются нагруженными все параметры, за исключением одного – числа разводов, которое проявляет себя как единственный параметр, имеющий высокую нагрузку по второму фактору.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции (Пирсона) первичных показателей

Показатель	Показатель					
	Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т. п.	Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	Коэффициент смертности от самоубийств	Коэффициент разводимости	Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	Коэффициент смертности от убийств
Коэффициент заболеваемости психическими расстройствами и т. п.		0,581*	0,646*	0,41*	0,97***	0,664*
Коэффициент смертности от заболеваний нервной системы и органов чувств	0,581*		0,756**	0,492*	0,684*	0,865**
Коэффициент смертности от самоубийств	0,646*	0,756**		0,284	0,716**	0,905***
Коэффициент разводимости	0,41*	0,492*	0,284		0,434*	0,57*
Удельное число детей и подростков без попечительства родителей	0,97***	0,684*	0,716**	0,434*		0,725**
Коэффициент смертности от убийств	0,664*	0,865**	0,905***	0,57*	0,725**	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

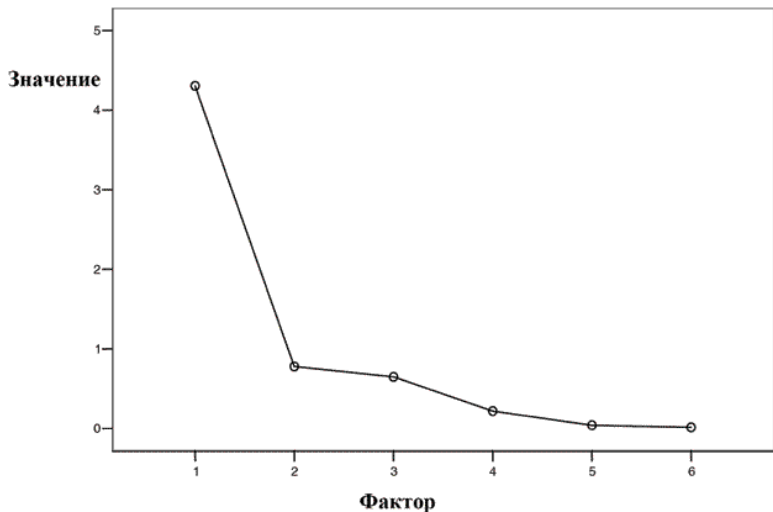

Рис. 2. Собственные значения факторов в факторном анализе компонентов композитного индекса психологического состояния общества

Был проведен также дополнительный анализ динамики индекса психологического состояния общества. Исходное предположение состояло в том, что, возможно, некоторые параметры, вошедшие в индекс, быстрее реагируют на изменение этого состояния, чем другие. Для проверки этого предположения была подсчитана регрессионная зависимость динамических характеристик составляющих индекса – ежегодного прироста или снижения их величины, а также прогнозируемого значения индекса (на следующий

год). Наиболее сильным предиктором изменения индекса оказался такой параметр, как возрастание или уменьшение количества убийств ($R^2=0,501$, $p<0,004$). Таким образом, изменение криминальной обстановки в обществе наиболее тесно связано с его психологическим состоянием.

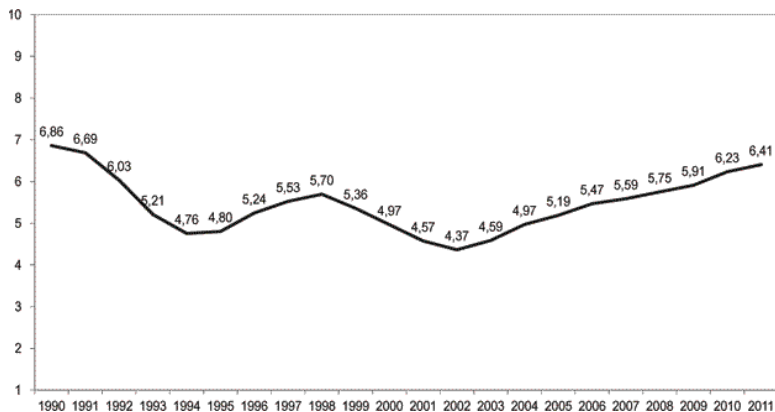

Рис. 3. Динамика психологического состояния российско-го общества в 1990–2011 гг. (в баллах)

В целом проведенный статистико-математический анализ позволяет сделать вывод, что все макропсихологические характеристики общества, объединенные композитным индексом, выражают взаимосвязанные стороны его психологического состояния, различающиеся, однако, по динамике их проявления. Некоторые из них быстрее откликаются на его

изменение, другие же обладают большей латенцией.

Динамика психологического состояния России

Использование композитного индекса позволяет дать количественную оценку динамики психологического состояния нашего общества в годы реформ (см. рисунок 3).

Как видно из рисунка 3, психологическое состояние российского общества, оцененное с помощью композитного индекса, постоянно ухудшалось с 1991 по 1994 гг., затем ежегодно улучшалось до 1998 г., впоследствии вновь ухудшалось до 2002 г., после чего обнаружило устойчивую тенденцию к улучшению (значение индекса за 2012 и 2013 гг. не было вычислено, ввиду того что соответствующие первичные статистические данные отсутствовали)⁵.

Подобную динамику несложно объяснить исходя из общих тенденций в развитии нашего общества и их преломления в психологическом состоянии населения. Радикальные социально-политические реформы, переход к рыночной экономике, «шоковая терапия» и т. п. вызвали дезадаптированность основной части населения к новому общественному устройству, приводя к ежегодному ухудшению

⁵ Вообще следует отметить «запаздывающий» характер статистических данных, предоставляемых отечественными статистическими службами, что затрудняет расчет соответствующих индексов на основе новых данных.

его психологического состояния. Широко распространены такие характеристики первых лет реформ: «Попытки вторгнуться в... источники мотиваций человека, навязывая ему иные, чуждые цивилизационные накопления, пытаясь насильственно ассимилировать российскую цивилизацию в западную, подменить ценностные и поведенческие матрицы приводят только к стрессу, сопротивлению, психологическому дискомфорту» (Сулакшин, 2006, с. 46). Симптоматично и то, что в эти годы широкое распространение получил такой тип социальной идентификации наших сограждан, как «жертва реформ» (Гундаров, 2001). Приведем в данной связи и сделанный не психологом, а экономистом вывод о том, что «устойчивость социально-экономической системы обусловлена гомеостазом общества, достигаемым в процессе удовлетворения базовых человеческих инстинктов – самосохранения, самовоспроизводства (продолжения рода) и самореализации (самовыражения)» (Балацкий, 2005б, с. 43–44), который созвучен теории мотивации А. Маслоу (автор приведенного высказывания, правда, вспоминает в данной связи не теорию Маслоу, а традиции суфиев). Показательно и то, что наивысшими ценностями россиян в эти годы были социальная защищенность и возможность получить квалифицированную медицинскую помощь (Петренко, 2005), соответствующие потребности в безопасности в иерархии потребностей, разработанной Маслоу.

К 1994 г. произошла психологическая адаптация боль-

шей части наших сограждан к реформам, что выразилось в тенденции к улучшению его психологического состояния⁶, выявляемой и в других исследованиях. Например, применение семантического дифференциала продемонстрировало, что «после падения оценки по фактору „осмысленность бытия“, пришедшегося на четыре предыдущих года, 1995 год характеризуется некоторым подъемом по этому измерению» (Петренко, 2005, с. 387–388). «Можно полагать, – пишет В. Ф. Петренко, – что ощущения уныния и апатии, вызванные ломкой сложившегося уклада жизни и системы ценностей, постепенно сменяются адаптацией к условиям жизни и открытием новых возможностей для значительной части наших испытуемых (хочется верить – значительной части населения). Если эта тенденция верна, то возможен перелом (по крайней мере, психологический) в осмыслении людьми собственной жизни в постперестроечный период» (там же, с. 388).

Но в 1998 г. произошел дефолт, повлекший за собой ухудшение материального положения значительной части насе-

⁶ Резонно предположить, что либо психологическая адаптация явилась следствием экономической и социально-политической адаптации, либо она носила самостоятельный характер (можно психологически адаптироваться, привыкать к реалиям, к которым трудно адаптироваться экономически), либо (и скорее всего) имело место и то, и другое. Следует также отметить, что, как показывают исследования, «ведущей компонентой адаптированности является не столько сегодняшнее позитивное самочувствие, сколько ощущение перспективности, „продолгованности“ благополучия» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 615), т. е. психологическое состояние человека.

ления, а также нарастание недоверия к власти, массовое ощущение социальной нестабильности и др.⁷, и породивший новую волну ухудшения психологического состояния российского общества. Как пишут О. Н. Дудченко и А. В. Мытиль, «наметившаяся стабилизация, ставшая результатом завершения первой адаптационной волны, этим кризисом (т. е. дефолтом. – А. Ю.) была разрушена. Общество в очередной раз встало перед проблемой реадаптации» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 620). Ухудшение психологического состояния нашего общества продолжалось до 2002 г., когда ситуация в стране более или менее стабилизировалась и сформировались новые механизмы адаптации, после чего оно вновь стало улучшаться. Таким образом, психологическое состояние российского общества, измеряемое с помощью композитного индекса, отражало происходящие в стране изменения, вместе с тем обнаруживая некоторое отставание от экономических и социально-политических событий, требующих времени для адаптации к ним и их психологического «переваривания» населением.

При этом можно постулировать по крайней мере три взаимодополняющих механизма влияния происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан. Пер-

⁷ Вследствие всего этого дефолт, в результате которого значительная часть наших сограждан потеряла не только деньги, но и веру в начавшуюся стабилизацию, было бы неверно считать чисто экономическим событием, что иногда делается. Его социальные и психологические последствия были ничуть не меньшими, чем экономические.

вый механизм представляет собой *непосредственное воздействие*. Если человек сам становится жертвой реформ, дефолта, криминала и т. п., это воздействует на его психологическое состояние самым непосредственным и «материальным» образом. Второй механизм – это *воздействие через ожидания*. Человек может не стать жертвой социальных коллизий, не потерять деньги в банке, не соприкоснуться с криминалом и др., но в условиях высокой вероятности столкновения со всем этим жить в условиях постоянного страха, что тоже сказывается на его психологическом состоянии. Наконец, третий механизм *воздействия через переживания* происходящего в обществе на психологическое состояние его граждан связан с тем, что, даже если происходящее непосредственно не затрагивает нас, мы не относимся к нему бесстрастно. Ярким примером может служить переживание наблюдаемой нами несправедливости, всегда вызывающее острый психологический дискомфорт (Adams, 1965). С начала 1990-х нам постоянно приходится наблюдать не только несправедливость, но и всесилье криминала, коррупцию, детскую проституцию и многое другое, в условиях которых трудно пребывать в хорошем психологическом состоянии.

Несмотря на некоторое улучшение ситуации в стране в последние годы, именуемое словом «стабилизация», основные причины, вызывавшие тревогу россиян в 1990-е годы, сохранялись и в начале 2010-х годов. В результате, хотя наметилась тенденция к улучшению психологического состоя-

ния нашего общества, оно оставалось далеко не удовлетворительным и уступало психологическому состоянию большинства других европейских стран (см. рисунок 4).

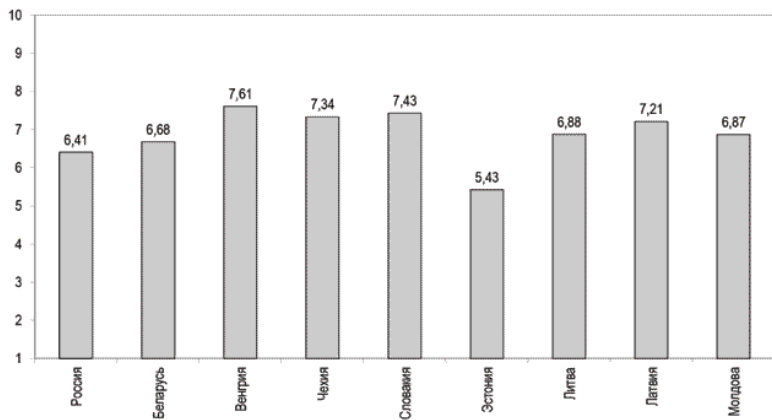

Рис. 4. Композитный индекс психологического состояния России в 2011 г. и зарубежных стран (в баллах)

Таблица 2. Индексы социального оптимизма, апрель 2005 г. (в %) (источник: Балацкий, 2005а)

	Россия	Казахстан	Белоруссия	Украина
Индекс социального оптимизма	3,4	14,7	3,7	6,4

Выявленная картина подтверждалась сравнительными данными об уровне *социального оптимизма* в четырех стра-

нах: России, Казахстане, Белоруссии (осуществивший данное сопоставление исследователь называет эту страну именно так) и Украине – естественно, до недавних событий в этом государстве (см. таблицу 2).

Прокомментируем представленное в таблице словами составившего ее автора: «Иерархия по уровню социального оптимизма такова: Казахстан, Украина, Белоруссия, Россия. Таким образом, среди россиян озабоченность будущим просматривается наиболее четко» (Балацкий, 2005а, с. 53). Далее он констатирует: «Выявленный разрыв в уровне социального оптимизма весьма значителен. Так, разница между соответствующими индексами для Казахстана и России составляет почти 20 п. п. (процентных пунктов. – А. Ю.). Такое преимущество одной страны над другой следует классифицировать как принципиальное» (там же). Основываясь на полученных данных, автор делит страны Единого Экономического Пространства на две категории: страны с доминированием социального оптимизма – Казахстан и Украина, и страны с доминированием социального пессимизма – Белоруссия и Россия.

Отметим в данной связи, что мы, россияне, традиционно сравниваем себя с Западом, именно его используя в качестве точки отсчета при оценке происходящего в нашей стране; как правило, выносим пессимистические оценки, однако при этом имплицитно допускаем, что в бывших «братских республиках» положение дел еще хуже, чем у нас. Приведенные

данные демонстрируют, что это допущение ошибочно, и в плане социального оптимизма нам далеко не только до стран Запада, но и до Казахстана.

Отсутствие линейной связи между экономическим и психологическим состоянием общества обнаруживается также при соотнесении динамики соответствующих индексов (см. рисунок 5).

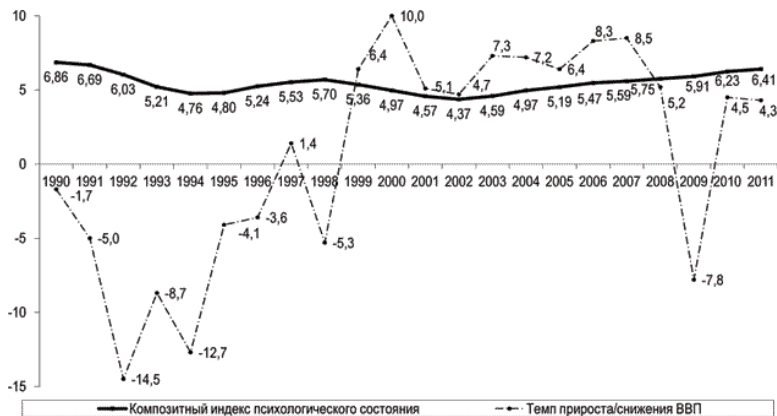

Рис. 5. Композитный индекс психологического состояния российского общества в соотнесении с темпами прироста/снижения ВВП

Как видно на рисунке 5, сопоставляемые индексы обнаруживают существенно различную динамику. Так, с 1992 по 1993 гг. увеличение значения нормализованного индекса

са прироста ВВП (не путать с фактическим темпом прироста ВВП) сочеталось со снижением индекса макропсихологического состояния общества, то же самое происходило в 1998–2000 гг., а в 1997–1998 гг. наблюдалась обратная картина. Это служит очередным опровержением «экономического детерминизма», а также свидетельствует о том, что, во-первых, рост макроэкономических показателей далеко не всегда сказывается на жизни основной части населения, во-вторых, экономические улучшения в обществе не сразу вызывают позитивные социальные и психологические изменения, в-третьих, психологическое состояние общества отражает не только его экономическое состояние, но и многое другое.

Второе из сделанных утверждений может быть сформулировано в качестве общей закономерности. В частности, «экономические последствия, как показывает опыт западных стран, нивелируются гораздо быстрее, чем последствия социальной дезадаптации личности» (Журавлева, 2001, с. 509). В результате трудно ожидать высокой жизнеспособности и психологического благополучия общества, демонстрирующего ежегодный рост ВВП, однако живущего в условиях криминализации, экономической и политической нестабильности⁸, социальной и физической незащищенно-

⁸ По данным опросов, двумя самыми «болевыми» проблемами нашего общества являются экономическая и политическая нестабильность и материальное положение семьи (Балацкий, 2005а).

сти большинства граждан, деградации морали и т. п. Трудно не согласиться и с тем, что «ранее свойственное большинству ощущение стабильности у многих сменилось чувством безысходности, угнетения, некой социальной отверженности» (Козырева и др., 2001, с. 245), хотя, конечно, вывод о том, что «в России... феномен ощущения стабильности своего положения отсутствует» (Дудченко, Мытиль, 2001, с. 618), выглядит преувеличением. Исследование основных страхов и тревог россиян демонстрирует, что среди таковых первые места занимают не только страх нищеты, но и тревоги, порождаемые беззаконием, криминализацией, национальными конфликтами и др. (Шубкин, Иванова, 2001).

Таблица 3. Коэффициенты корреляции композитного индекса психологического состояния российского общества с его социальными и экономическими показателями

Социальные и экономические показатели	Коэффициент корреляции Пирсона
Естественный прирост населения	0,958***
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	-0,907***
Число зарегистрированных преступлений	-0,740**
Темпы прироста/снижения ВВП	-0,415*
Ожидаемая продолжительность жизни	0,943***
Численность больных алкоголизмом, зарегистрированных с диагнозом, установленным впервые	-0,963***

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Впрочем, было бы неверным умалять значимость макроэкономических показателей и их влияния на психологическое состояние общества. В частности, обнаружилась очень высокая, имеющая очевидный социальный смысл, отрицательная корреляция ($r = -0,91$) между этим состоянием и коэффициентом Джини (см. таблицу 3), выражающим различия в уровне доходов десяти самых богатых и десяти самых бедных процентов населения. Таким образом, если сами темпы прирастания «общего пирога» – ВВП – мало влияют на психологическое состояние основной части населения, то способы и результаты распределения этого «пирога» влияют очень значительно, и чем больше диспропорция в уровне доходов, тем хуже психологическое состояние общества.

Повышение жизнеспособности общества

Выявленная с использованием композитного индекса динамика психологического состояния нашего общества согласуется с картиной, полученной на основе других показателей. Так, например, социологическое исследование динамики *социального самочувствия* наших сограждан с помощью соответствующего индекса, включавшего подиндексы: 1) статусной идентификации, 2) удовлетворенности и ста-

бильности существования, позволило выявить отображенную в таблице 4 картину.

Сравнение индекса социального самочувствия россиян в 1994–2000 гг. – в период, за который он был вычислен социологами, – с индексом психологического состояния нашего общества демонстрирует, что они изменялись практически синхронно, показывая улучшение ситуации с 1994 по 1998 гг., ее ухудшение с 1998 г. по 2000 гг., после дефолта и, как считают социологи, вследствие него (Козырева и др., 2001), а после 2000 г. – вновь начавшееся улучшение. Вместе с тем имеется и различие, состоящее в том, что индекс социального самочувствия «пошел на подъем» к 2001 г., в то время как вычисляемый нами индекс сделал это позднее – в 2002 г. Очевидно, оба индекса улавливают схожие тенденции, однако использованный социологами более «мягкий» индекс, видимо, более чувствителен к ним, фиксируя изменения, которые проявляются на уровне статистических показателей, лежащих в основе нашего индекса, несколько позднее.

Таблица 4. Распределение респондентов по индексу их социального самочувствия (в%) (источник: Козырева и др., 2001, с. 248)

Социальное самочувствие	1994 г. (N=9168)	1995 г. (N=8708)	1996 г. (N=8342)	1997 г. (N=8669)	1998 г. (N=7568)
Очень плохое	8,0	7,6	8,0	8,5	6,6
Плохое	31,5	32,5	31,0	37,4	21,9
Среднее	35,5	33,9	34,9	32,6	35,4
Хорошее	19,6	20,4	20,7	17,2	26,5
Очень хорошее	5,4	5,6	5,7	4,3	9,7

Примечание: N – количество опрошенных.

Проведенное социологами исследование одновременно продемонстрировало, что в 1998 г. был зафиксирован самый высокий за рассмотренный ими период уровень обеспокоенности наших сограждан неопределенностью своего существования, что высвечивает одно из главных социально-психологических последствий таких экономических событий, как дефолт. В частности, 83 % опрошенных тогда выразили беспокойство по поводу нестабильности жизни (Козырева и др., 2001). Впрочем, следует отметить, что и в относительно благополучном, т. е. не отмеченном дефолтом, 1996 г. таких было 78 % (там же), а массовое ощущение нестабильности жизни является одним из главных атрибутов современного российского общества, что подтверждается и данными других опросов.

Отметим и то, что, хотя социологи в начале 2000-х годов констатировали «некоторое «просветление» общего эмоцио-

нального фона в обществе» (там же, с. 250), полученные ими данные демонстрировали, что надежду на изменения к лучшему выражали лишь 15–20 % наших сограждан. Сделанный этими исследователями вывод: «При всей неоднозначности истоков и содержания пессимистического мироощущения, окрасившего сознание довольно больших масс населения, их неудовлетворенность жизненными переменами является основой для социально-психологического дискомфорта и ухудшения социального самочувствия» (с. 252), – выглядел не менее пессимистично, чем описанное ими мироощущение.

Результаты других исследований также подтверждают, что в 1990-е годы неудовлетворенность наших сограждан своей жизнью превратилась в одну из главных характеристик современного российского общества. Так, в 1999 г. полностью удовлетворенные составляли лишь 3,8 %, а скорее неудовлетворенные и полностью неудовлетворенные – 53,4 %. При этом 67,8 % опрошенных были не уверены или совершенно не уверены в своем будущем (Шубкин, Иванова, 2001), что, естественно, сказывалось на их психологическом состоянии. Еще более пессимистично, если не алармистски, звучит общий вывод, который делают авторы описанного исследования: «Почти две трети населения России находится в состоянии сильной тревоги. Цифры характеризуют катастрофическое сознание населения» (там же, с. 358). В дальнейшем, правда, количество россиян, удовлетворен-

ных жизнью, возросло (что соответствует улучшению психологического состояния нашего общества, оцененного с помощью композитного индекса), по некоторым расчетам достигая 53 % (Балацкий, 2005б), а несколько позднее наблюдалась ситуация, когда «самочувствие россиян правильнее оценить как пограничное – „50×50“» (там же, с. 48), однако количество неудовлетворенных по-прежнему оставалось очень значительным⁹.

Имеет смысл сопоставить психологическое состояние нашего общества и с таким показателем, как количество случайных отравлений алкоголем (см. рисунок 6).

Сопоставление соответствующих показателей демонстрирует, что они тоже изменяются практически синхронно, т. е. ухудшение психологического состояния общества со-

⁹ В рамках подобных общероссийских тенденций, естественно, обнаруживаются и различия между разными категориями респондентов. Так, в мужской выборке доля удовлетворенных выше, чем в женской. Среди факторов, определяющих удовлетворенность жизнью, для мужчин более значимы факторы, «непосредственно направленные на жизнеобеспечение», в то время как «женщины уделяют большее внимание личной безопасности, материальному положению, семейным отношениям, погодно-климатическим условиям жизни, экологии, социальной инфраструктуре и состоянию здоровья» (Балацкий, 2005б, с. 50). Богатые, разумеется, чаще довольны жизнью, чем бедные, хотя тоже не всегда довольны ею, что подтверждает широко известную формулу «не только в деньгах счастье», и т. п. (там же). Любопытно звучит и вывод относительно влияния мегаполисов на удовлетворенность жизнью: «Мегаполисы (Москва и Санкт-Петербург) оказывают разрушительное влияние на все стороны удовлетворенности жизни людей. И наоборот, крупные городские поселения с численностью жителей более 0,5 млн человек оказывают благотворное воздействие» (там же, с. 51).

проводится увеличением количества алкогольных отравлений, имеющих летальный исход. Огромное количество смертей от фальсифицированного алкоголя, конечно, можно объяснить такими причинами, как его плохо контролируемое производство, аморальность значительной части ответственных предпринимателей, которым все равно, каким путем зарабатывать деньги, низкий уровень жизни наших сограждан, потребляющих наиболее дешевые и заведомо суррогатные спиртные напитки, и т. п. Однако сходная динамика количества отравлений спиртным и психологического состояния общества позволяет предположить, что свой вклад в эту печальную статистику вносит и психологическая безысходность, сопровождающаяся отсутствием заботы о своем здоровье. Улучшение же психологического состояния общества имеет следствием более бережное отношение наших сограждан к своему здоровью, что подтверждается и выявленной нами высокой отрицательной корреляцией между индексом психологического состояния российского общества и статистикой заболевания алкоголизмом ($r=-0,963$) (см. таблицу 3).

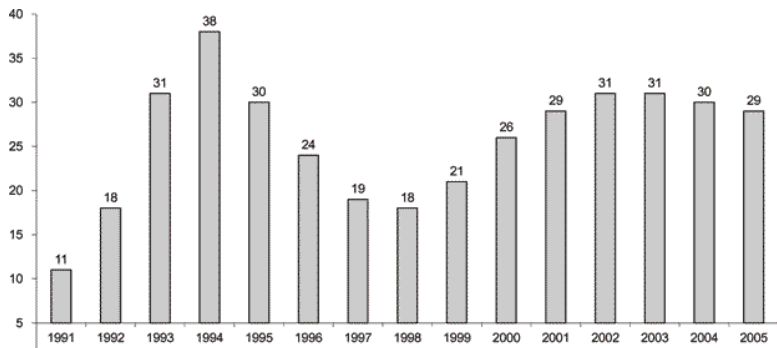

Рис. 6. Смертность от случайных отравлений алкоголем на 100000 человек населения в 1991–2005 гг. (источник: Заиграев, 2001)

В пользу подобной интерпретации отравлений алкоголем говорит и тот факт, что в 1991 г. выбор спиртных напитков был куда более ограниченным, нежели, скажем, в 2000 г., цены на «благородные» напитки казались подавляющей части населения заоблачными, а в домах многих наших сограждан стояли самогонные аппараты, явившиеся закономерным порождением всеобщего дефицита и горбачевской антиалкогольной кампании. Однако травились спиртным тогда в два раза меньше, чем в 2000 г., когда дефицит алкогольных напитков уже стал преданием. Соответственно, основной причиной представляется не доступность спиртного, а отношение населения к своему здоровью, изменяющееся пропорционально психологическому состоянию общества.

Аналогичные закономерности проявляются при сопоставлении индекса психологического состояния общества с заболеваемостью алкоголизмом и наркоманией (см. таблицу 3). Таким образом, вывод о том, что «особенности современных социально-экономических процессов в России способствует интенсивному развитию маргинальности и соответственно – росту наркотизации» (Позднякова, 2001, с. 543), может быть дополнен утверждением, что наркотизации, равно как и возрастанию потребления спиртного, содействуют не только отмеченные социально-экономические процессы, но и психологическое состояние нашего общества. В данной связи уместно упомянуть также данные социологов о том, что алкоголизму, наркомании и суицидам во многом способствует такая характеристика общества, как низкий уровень социальной защищенности граждан (Мозговая, 2001), а также социальное недовольство. Как пишет Ю. А. Красин, «протест выражается в уходе из общественной жизни в сферу криминала, в наркоманию, алкоголизм, мистику и религиозный фанатизм. Подобная форма протеста не менее губительна, чем та, которую поэт назвал „бунтом бессмысленным и беспощадным“» (Красин, 2006, с. 974).

Разумеется, неудовлетворительное психологическое состояние современного российского общества имеет и политические последствия. Так, например, в 1994 г., на первом пике его ухудшения, 43 % россиян считали, что в нашей стране нет условий для демократии, поскольку принципы

западной демократии не совместимы с российскими традициями. С 1989 г., когда страна переживала «демократическую эйфорию», по 1996 г., когда «демократический подъем сменился усталостью и апатией» (Красин, 2006, с. 975), доля сторонников сосредоточения власти в сильных руках возросла с 42 % до 68 %, т. е. до явного большинства населения (Вебер, Галкин, Красин, 2001). В 1998 г., на втором пике ухудшения психологического состояния россиян, более четверти опрошенных (26,5 %) высказались за диктатуру (там же). Аналогичные результаты демонстрируют и другие опросы, систематически проводимые отечественными социологическими центрами, а также психологические исследования (Шестопал, 2002; и др.). А в середине 1990-х годов недовольные общим курсом развития страны («сбились с пути» и т. п.) составляли абсолютное большинство (Кинсбургский, 2001). При этом и после избрания Президентом В. В. Путина, с которым была связана во многом оправдавшаяся надежда на стабилизацию в стране, доля недовольных, считавших, что «события ведут нас не туда, в тупик», стабильно превышала 50 % (там же). Вплоть до 2000 г. нарастал и т. н. «политический абсентеизм», выразившийся в росте количества воздерживающихся от участия в выборах и являющийся одним из главных показателей массовой апатии, недоверия к власти и политическим институтам (Вебер, Галкин, Красин, 2001).

В данной связи уместно вспомнить многократно подтвер-

жденный и описанный в учебниках политологии факт, состоящий в том, что даже для жителей западных стран демократия не является абсолютной ценностью, а воспринимается в зависимости от того, что она дает каждому из них (The handbook of political action, 1981; Political psychology, 1986; и др.). Если человек не ощущает позитивных последствий демократии *для себя лично* или если ее негативные проявления в его личной жизни перевешивают позитивные, то она постепенно утрачивает свои позитивные ассоциации – со свободой, человеческим достоинством и др. – и начинает восприниматься в негативном свете. Это происходит и в нашей стране, где взывание политиков к самоценности демократии и попытки оживить в народной памяти ужасы тоталитаризма все чаще звучат как глас вопиющего в пустыне.

Таким образом, несмотря на проявляющиеся в последние годы позитивные тенденции, психологическое состояние нашего общества, оцениваемое с помощью композитного индекса, остается неудовлетворительным, что подтверждается и другими данными. Улучшение экономических показателей и такие предпринимаемые властными органами меры, как национальные проекты, пока мало сказываются на нем. Отсутствие радикального улучшения психологического состояния наших сограждан неизбежно повлечет за собой возрастание массовой аномии, социально-политической пассивности, недоверия к власти, а также нарастание алкоголизма, наркомании, дальнейшее сокращение численности

населения и т. п. Для того чтобы переломить подобные тенденции, самого по себе экономического роста явно недостаточно, необходимы радикальные и эффективные меры по улучшению психологического состояния россиян и целенаправленное воздействие на факторы, его ухудшающие. Очевидно, пришло время признать неадекватность «экономического детерминизма», существенно изменить лежавшие в основе наших реформ представления об обществе и разворачивающихся в нем социальных процессах. Опыт развития нашей страны в течение 15 лет реформ убедительно продемонстрировал, что «кажущиеся выгоды курса на достижение экономической эффективности любой ценой закладывают мины замедленного действия под долгосрочные перспективы развития» (Вебер, Галкин, Красин, 2001, с. 196). Более адекватная стратегическая цель – «создание жизнеспособного общества в жизнеспособной, экологически устойчивой среде» (там же, с. 196) – предполагает признание важности психологического состояния общества.

Следует также отметить, что экономические меры по стимуляции рождаемости (пособия матерям и др.), как показывают расчеты, увеличивают ее не более чем на 15 %. При этом «заметно, что в целом власть понимает, что общественные и личностные ценности тоже важны, но в части решений и выбора управленческих действий в основном все вновь и вновь сводится к социально-материальному фактору. Однако ответа на вопрос, почему не проектируются государствен-

но-управленческие действия по воздействию на все, в том числе иные, факторы, – до настоящего времени не находят-ся» (Сулакшин, 2006, с. 23).

Намерение родить ребенка предполагает психологически сложное решение, как правило, принимаемое в условиях *психологического благополучия* семьи (Бойко, 1985). Психологическое состояние нашего общества обнаруживает очень высокие корреляции с естественным приростом населения ($r=0,96$) и со средней продолжительностью жизни ($r=0,943$) (см. таблицу 3). Таким образом, *одной из главных причин сокращения численности населения России является психологическое состояние нашего общества*. Пока оно радикально не улучшится, трудно ожидать преодоления этой тенденции.

Глава 2. Экспертная оценка психологического состояния России

Методология экспертного опроса

В методологии современной социогуманитарной науки все более прочное закрепление получает практика применения *социальных индикаторов*¹⁰, основанных на агрегированных количественных оценках различных характеристик социума. Различные социальные индикаторы активно используются и такими авторитетными международными организациями, как ООН, Статистическое бюро Европейского Союза (Eurostat), ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития), Всемирный банк, Европейская комиссия, применяются практически всеми европейскими странами, а также США, Канадой, Японией, Австралией, государ-

¹⁰ Термин «социальные индикаторы» появился в США в начале 1960-х годов по инициативе Американской академии искусств и наук, которая выполняла заказ NASA. В 1970-е годы Правительство США стало регулярно публиковать соответствующие данные, был создан журнал Social Indicators Research, аналогичный подход был взят на вооружение международными организациями, такими как ООН и ОЭСР. Затем – в 1980-е годы – произошел некоторый спад интереса к ним, но в 1990-е началось его возрождение. Это случилось вследствие принятия международным сообществом программы устойчивого развития, а на смену разрозненным социальным индикатором пришли композитные, включающие различные компоненты, индексы (Степашин, 2008).

ствами Латинской Америки и Южной Африки.

В структуре социальных индикаторов важное место принадлежит психологическим компонентам. Как отмечает Г. В. Осипов, «традиционный подход был дополнен субъективным, учитывающим психологическое благополучие людей, появились концепции качества жизни и функциональных способностей (capabilities)» (Осипов, 2011, с. 6). Индексы социальных настроений, социального оптимизма, удовлетворенности жизнью, социального самочувствия населения и др., вычисляемые социологами, имеют ярко выраженную психологическую составляющую. Такие индексы, как коэффициент витальности страны, используемые демографами (Сулакшин, 2006), исследования качества жизни, а также близких ему явлений – субъективного благополучия и др. (Biderman, 1970; Keltner et al., 1993), тоже имеют непосредственное отношение к психологии. Разработаны Индекс счастливой жизни, Индекс счастливой планеты, Индекс валового национального счастья (введенный четвертым королем Бутана и используемый в этой стране *вместо* показателя ВВП), позволяющие количественно оценивать казалось бы совсем неисчислимое – счастье (Степашин, 2008). Важно отметить, что подобные импульсы родились в *экономической* науке, где сложились такие направления, как «экономика счастья». В частности, «неудовлетворенность экономистов объяснительным потенциалом постулата максимизации прибыли привела к выдвижению в качестве цели экономи-

ческой деятельности понятия „благополучия“, которое заменило в этой функции понятие „богатства“» (Осипов, 2011, с. 39)¹¹. При этом, например, «экономика счастья» во многом переворачивает традиционную логику экономических и социальных оценок, делая акцент на субъективном благополучии и *через* него оценивая качество объективных условий жизни людей. Основное отличие т. н. «вторичной» модернизации от «первичной» принято усматривать в том, что главной задачей является уже не просто развитие экономики ради удовлетворения материальных потребностей людей, а повышение качества жизни ради удовлетворения их потребностей в счастье и самовыражении.

В самой психологической науке аналогичные подходы реализуются при оценке субъективного качества жизни, психологического потенциала населения (Зараковский, 2009), социального капитала, по сути, имеющего социально-психологическое наполнение (Татарко, 2011), причем, как отмечает Г. М. Зараковский, «принципиальным является переход от понимания сущности психологического потенциала индивида к пониманию сущности психологического потенциала социума» (Зараковский, 2009, с. 132).

Институтом психологии РАН разработан композитный

¹¹ Обычно называют шесть факторов благополучия: 1) физическое и психическое здоровье, 2) знания и умения, 3) работа, 4) материальное благополучие, 5) свобода и самоопределение, 6) межличностные отношения (Giovani et al., 2009). Трудно не заметить, насколько «психологизировано» это понятие, тоже зародившееся в экономической науке.

индекс психологического состояния общества, а выявленная на его основе динамика психологического состояния современной России рассмотрена в предыдущей главе.

В русле достаточно общей для социогуманитарных наук установки на целесообразность комбинирования «жестких» индексов, вычисляемых на основе статистических данных, с результатами опросов¹², Институтом психологии РАН в 2011 г. был проведен *экспертный опрос*, направленный на выявление динамики психологического состояния нашего общества. Экспертам было предложено в анкетной форме оценить его психологическое состояние в 1981, 1991 (до распада СССР), 2001 и 2011 гг. Оценка производилась по 70 параметрам, 35 из которых выражали позитивные и 35 – негативные характеристики общества, отобранные в результате предварительных консультаций с экспертами. Многие из этих параметров имели отчетливо выраженный *нравственно-психологический* смысл. Каждый параметр оценивался по 10-балльной шкале, на которой «1» соответствовала минимальной выраженности соответствующей характеристики, «10» – ее максимальной представленности. В роли экспертов выступили 124 психолога, представляющие различные регионы и разнообразные научно-образовательные центры нашей страны. Эксперты отвечали следующим тре-

¹² В частности, Комиссия по измерению экономической эффективности и качества жизни, созданная по инициативе Н. Саркози, рекомендует дополнить существующие индексы показателями психологического здоровья людей, их чувств и оценок, полученными в ходе опросов (Stiglitz et al., 2012).

бованиям: 1) возраст, предполагающий, что эксперт способен дать оценку состояния нашего общества в 1981 г. (соответственно, молодые психологи не входили в их число), 2) достаточно высокая квалификация – наличие ученой степени кандидата или доктора наук, 3) область профессиональной деятельности, релевантная макропсихологическим проблемам, и наличие соответствующих публикаций.

Естественно, учитывалось, что любой эксперт достаточно субъективен, особенно когда исследование затрагивает такие эмоционально «разогретые» проблемы, как состояние общества, частью которого он является, и сам подвержен влиянию психологических эффектов. Среди подобных эффектов следует в первую очередь учитывать следующие: 1) ностальгия, под влиянием которой прошлое часто видится в более благоприятном свете, нежели настоящее; 2) старение респондентов, способное оказывать аналогичное воздействие на их оценки; 3) утрата страны, в которой выросли и сформировались опрошенные, и соответствующего общества; 4) видение общего положения дел сквозь призму личной ситуации; 5) рост (с возрастом) профессиональных успехов и статуса респондентов; 6) восприятие психологических характеристик общества в связи с его социально-экономическим, политическим и т. п. состояниями; 7) принадлежность респондентов к одной профессиональной группе. Следует отметить и то, что оцениваемые характеристики общества в анкете не определялись (их определение едва ли измени-

ло бы ситуацию), выглядели не вполне однозначно и при существовании некоторых инвариантов их понимания все же имели для разных экспертов несколько различный смысл.

В силу существования перечисленных и других подобных эффектов оценка экспертами динамики психологического состояния нашей страны во многом представляет собой их *субъективное восприятие* этой динамики, а также соответствующих характеристик общества, и проливает лишь ограниченный свет на реальную ситуацию. Однако такой же смысл имеют *любые* экспертные опросы, направленные на оценку социальных ситуаций, при этом позволяя получить информацию об их объективном характере.

Негативная динамика

Даже с учетом сделанных оговорок полученные результаты (см. таблицу 5, рисунок 7) выглядят достаточно неожиданно. Если сравнить состояние нашего общества в двух крайних точках рассмотренного временного континуума – в 1981 и в 2011 гг., то следовало констатировать, что произошли нарастание всех без исключения негативных параметров и снижение подавляющего большинства позитивных. Лишь два позитивных параметра увеличили свои значения – рационализм и свобода, но и в этих случаях позитивная динамика не выглядит достаточно однозначной. Рационализм, видимо, был истолкован частью респондентов не как пози-

тивная, а скорее как негативная характеристика общества, выражающая его алчность, меркантильность и т. п., а показатель уровня свободы обнаружил небольшой прирост (0,4) на рассмотренном интервале за счет его скачкообразного роста в 1991 г. (с 3,6 до 6,9) при последующем снижении.

Таблица 5. Оценка экспертами психологических характеристик российского общества в 1981–2011 гг.

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Агрессивность	3,30	5,45	6,55	7,23	3,93***	2,15*
Алчность	3,07	4,94	7,19	8,29	5,22***	1,87**
Альтруизм	5,97	5,48	3,32	2,61	-3,36***	-0,49
Аномия	4,28	4,73	6,23	6,90	2,62***	0,45
Апатия	6,13	3,23	5,35	7,10	0,97	-2,90***
Безответственность	4,93	5,4	6,43	6,63	1,70	0,47
Безыдейность	4,90	3,97	6,23	7,03	2,13*	-0,93
Бескорыстие	6,30	5,29	3,16	2,32	-3,98***	-1,01
Бесправие	6,03	5,19	6,81	7,55	1,52	-0,84
Беспринципность	4,67	4,77	7,03	7,74	3,07***	0,10
Бесцеремонность	4,33	5,77	7,06	7,42	3,09***	1,44*
Взаимопомощь	6,53	6,42	4,19	3,35	-3,18***	-0,11
Взаимопонимание	6,43	5,87	4,26	3,71	-2,72***	-0,56
Взаимоуважение	5,83	5,19	3,71	3,06	-2,77***	-0,64
Враждебность	3,23	5,26	6,42	7,26	4,03***	2,03**
Вседозволенность	2,50	6,23	7,06	6,77	4,27***	3,73***

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Грубость	4,27	5,06	6,71	7,19	2,92***	0,79
Дисциплинированность	6,40	4,16	4,23	4,13	-2,27**	-2,24**
Добросовестность	5,47	4,52	3,65	3,16	-2,31***	-0,95
Доброта	6,30	5,19	3,81	3,23	-3,07***	-1,11
Доверие	6,33	5,74	3,71	2,81	-3,52***	-0,59
Жестокость	3,63	5,45	6,74	7,48	3,85***	1,82*
Законопослушность	6,27	4,32	3,55	3,39	-2,88***	-1,95**
Злоба	3,13	4,97	6,03	6,71	3,58***	1,84**
Интеллектуальность	6,73	6,32	4,19	3,48	-3,25***	-0,41
Интеллигентность	6,28	5,40	3,30	2,73	-3,55***	-0,88
Искренность	5,37	6,13	4,10	3,13	-2,24**	0,76
Конфликтность	3,77	6,10	6,71	6,97	3,2***	2,33**
Креативность	5,60	6,39	5,16	4,26	-1,34	0,79
Ксенофобия	3,20	4,10	6,35	7,32	4,12***	0,90
Культура	6,77	5,71	4,00	3,48	-3,29***	-1,06
Ложь	5,87	4,97	6,32	7,19	1,32	-0,90
Мафиозность	3,40	5,81	7,84	8,00	4,6***	2,41**
Меркантильность	3,53	4,52	7,29	8,32	4,79***	0,99

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Мужество	5,30	5,97	4,52	3,94	-1,36	0,67
Наглость	3,43	5,35	7,00	7,65	4,22***	1,92*
Надежность	6,45	4,87	3,53	3,03	-3,42***	-1,58*
Напряженность	3,13	6,77	6,23	6,77	3,64***	3,64***
Насилие	3,27	5,58	6,87	7,29	4,02***	2,31**
Невоспитанность	4,23	5,19	6,74	7,16	2,93***	0,96
Ненавидь	2,97	5,06	6,00	6,90	3,93***	2,09*
Необязательность	4,47	5,68	6,29	6,81	2,34**	1,21
Нравственность	6,21	5,33	3,73	3,03	-3,18***	-0,88
Оптимизм	5,27	6,9	4,52	3,16	-2,11**	1,63**
Отзывчивость	6,33	5,71	3,90	3,03	-3,3***	-0,62
Патриотизм	6,83	5,97	3,87	3,29	-3,54***	-0,86
Подлость	3,66	4,60	6,23	6,53	2,87***	0,94
Подозрительность	4,10	4,40	5,60	6,10	2*	0,3
Порядочность	6,14	4,90	3,73	2,93	-3,21***	-1,24
Психологическая безопасность	6,53	4,35	3,61	2,61	-3,92***	-2,18**
Пустословие	7,27	6,9	6,81	7,68	0,41	-0,37
Развязность	3,77	5,68	6,23	6,42	2,65**	1,91*
Рациональность	4,30	4,29	5,03	5,71	1,41*	-0,01

Продолжение таблицы 5

Психологические характеристики	1981	1991	2001	2011	Изменение значения 2011/1981	Изменение значения 1991/1981
Самоконтроль	5,45	3,97	4,13	4,40	-1,05	-1,48*
Свобода	3,60	6,90	4,97	4,00	0,40	3,3***
Сквернословие	4,03	5,37	6,77	7,33	3,3***	1,34
Скромность	6,55	4,63	3,27	2,70	-3,85***	-1,92*
Сочувствие	6,57	5,52	3,90	3,13	-3,44***	-1,05*
Спокойствие	6,93	3,61	3,52	3,35	-3,58***	-3,32***
Справедливость	4,37	4,19	2,77	2,45	-1,92*	-0,18
Страх	3,17	5,48	6,03	6,42	3,25**	2,31*
Тактичность	5,38	4,03	3,27	2,77	-2,61***	-1,35*
Тревожность	3,50	6,13	6,32	6,94	3,44***	2,63**
Трудолюбие	5,90	4,81	4,10	3,68	-2,22**	-1,09
Фамильярность	3,45	5,4	5,87	5,83	2,38***	1,95***
Хамство	4,21	5,67	6,70	7,07	2,86**	1,46
Цивилизованность	5,47	4,68	4,13	4,13	-1,34	-0,79
Человечность	6,66	5,47	3,83	3,20	-3,46***	-1,19*
Честность	5,67	4,94	3,61	3,06	-2,61***	-0,73
Эгоизм	4,17	5,16	7,23	8,03	3,86***	0,99

Примечание: указаны значения каждой характеристики в баллах по десятибалльной шкале; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

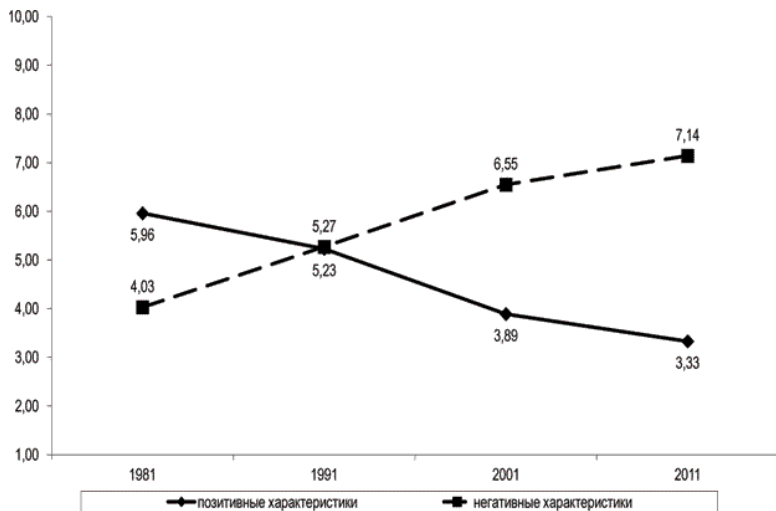

Рис. 7. Суммарная динамика позитивных и негативных психологических характеристик российского общества (по результатам экспертного опроса)

Среди негативных характеристик наиболее выраженную динамику обнаружили агрессивность, алчность, аномия, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, вседозволенность, грубость, жестокость, злоба, конфликтность,

ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, напряженность, насилие, невоспитанность, ненависть, подлость, сквернословие, тревожность, фамильярность, эгоизм. При этом самые высокие темпы прироста обнаружила алчность (5,22), меркантильность (4,79) и мафиозность (4,60).

По абсолютному значению показателей наиболее рельефными оказались такие негативные характеристики нашего общества, как агрессивность, алчность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, мафиозность, меркантильность, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство и эгоизм, а самыми выраженными из них – меркантильность (8,32), алчность (8,29) и эгоизм (8,03).

Из положительных характеристик наибольшие «потери» понесли альтруизм, бескорыстие, взаимопомощь, взаимопонимание, взаимоуважение, добросовестность, доброта, доверие, законопослушность, интеллектуальность, интеллигентность, культура, надежность, нравственность, патриотизм, порядочность, психологическая безопасность, скромность, сочувствие, спокойствие, тактичность, честность и человечность. Самая большая разница значений 1981 и 2011 гг. была обнаружена по параметрам бескорыстия (3,98), психологической безопасности (3,92) и скромности (3,85). Показательно и то, что лишь по одному позитивному параметру – рации-

онализм – наше общество оценивается экспертами на уровне выше среднего (5,7), причем этот параметр, как уже отмечалось, скорее всего, не был истолкован ими как однозначно позитивная характеристика. Правда, по некоторым из позитивных параметров экспертные оценки приближаются к среднему уровню: это дисциплинированность (4,13), креативность (4,26), самоконтроль (4,40), свобода (4,00), цивилизованность (4,13).

Следует отметить и то, что по ряду характеристик динамика психологического состояния российского общества была оценена экспертами как *линейная* – в основном как поэтапное ухудшение от 1981 к 1991 гг. и далее к 2001 и 2011 гг. (что, естественно, не исключает нелинейности внутри соответствующих 10-летних интервалов), по другим – как *нелинейная*. К числу последних принадлежат такие характеристики, как апатия, безыдейность, бесправие, вседозволенность, дисциплинированность, искренность, креативность, ложь, мужество, напряженность, оптимизм, пустословие, рациональность, самоконтроль, свобода, цивилизованность. В большинстве подобных случаев общим рисунком нелинейного изменения характеристик было их улучшение от 1981 к 1991 г., с последующим ухудшением. Подобная картина, по всей видимости, связана с тем, что в 1991 г. у наших сограждан *появились надежды*, которые впоследствии не оправдались. В результате этого ситуация 1991 г., невзирая на ее объективно тяжелый характер (неуправляемость страны, яв-

ные признаки ее приближающегося распада, острый дефицит товаров первой необходимости и т. п.), видится в более позитивном свете, чем положение дел в 2001 и 2011 гг. В частности, по мнению опрошенных, в 1991 г. мы были менее апатичны, менее бесправны и менее лживы, более искренни, креативны, мужественны, оптимистичны и свободны, чем в предшествующий и в последующие периоды.

Вместе с тем ряд характеристик при нелинейности их изменения не вписывается и в этот рисунок «ностальгии по 1991-му». Так, вседозволенность оценивается как максимальная именно в 1991 г., а впоследствии пошедшая на снижение, что тоже соответствует известной схеме восприятия: «Порядка стало больше». Уровень дисциплинированности видится как существенно снизившийся с 1981 по 1991 гг., затем несколько возросший к 2001 г., но потом опять понизившийся, правда, на незначительную величину. Напряженность характеризуется как максимальная в 1991 г., что было естественным в преддверии последовавших событий, потом несколько понизившаяся, но к 2011 г. опять повысившаяся и достигшая уровня 1991 г. Уровень пустословия оценен как поэтапно снижавшийся от 1981 к 2001 гг., но затем вновь возросший к 2011 г. и превысивший уровень 1981 г. Рациональность оценена как снизившаяся к 1991 г., но затем поэтапно повышавшаяся. Так же оценена и динамика самоконтроля. А цивилизованность нашего общества расценена экспертами как поэтапно снижавшаяся с 1981 к 2001 гг. и впо-

следствии «заморозившаяся» на этом уровне.

В результате факторного анализа полученных данных с применением ортогонального способа вращения (Varimax) нами были выявлены 4 главных фактора, объясняющие динамику позитивных характеристик нашего общества и условно названные: 1) благожелательность, 2) самоорганизация, 3) интеллектуальный потенциал, 4) пассионарность, а также 4 фактора, объясняющие динамику его негативных характеристик: 1) ожесточенность, 2) антисоциальность, 3) одичание, 4) опустошенность (см. таблицу 6).

Таблица 6. Результаты факторного анализа экспертных оценок

Позитивные компоненты (факторы)	Объясненная дисперсия (%)
1. Благожелательность	22,9
2. Самоорганизация	18,7
3. Интеллектуальный потенциал	17,8
4. Пассионарность	13,0
Негативные компоненты (факторы)	
1. Ожесточенность	31,9
2. Антисоциальность	16,8
3. Одичание	10,8
4. Опустошенность	10,3

Имеет смысл рассмотреть полученные данные и под углом зрения традиционного вопроса: «Какую страну мы потеряли?» (в психологическом плане). При этом сразу же бросается в глаза, что ответ на него будет совершенно различным в зависимости от того, отнесем мы этот вопрос к нашей стране 1981 г. или же 1991 г. – к более или менее безмятежной «эпохе застоя» или к куда более беспокойному времени «распада».

Советское общество 1981 г. по подавляющему большинству положительных характеристик получает оценку выше средней, а по основной части отрицательных – ниже ее, т. е. обрисовывается экспертами как в основном *психологически благополучное общество*. Исключения составляют лишь его оценки по таким параметрам, как апатия, бесправие, пустословие, рациональность, свобода и справедливость: при своем в целом благополучном характере оно оценивается как достаточно апатичное, бесправное, не свободное, не справедливое, иррациональное и склонное к пустословию. Наиболее же позитивно наше общество, каким оно было в 1981 г., выглядит в плане слабой выраженности ряда *негативных* характеристик – в первую очередь таких, как алчность, меркантильность, вседозволенность, агрессивность, злоба, жестокость, конфликтность, ксенофобия, мафиозность, наглость, ненависть, напряженность, подлость, развязность, фамильярность и страх. Группируя его харак-

теристики, наше общество того времени можно представить как достаточно «доброе» и не меркантильное.

Что же касается психологического состояния нашей страны в 1991 г., то оно выглядит как переходное – от «доброе» к «злему» обществу. В сравнении с 1981 г. его позитивные характеристики в большинстве своем приобретают меньшие, а негативные – большие значения. Большинство же оценок – как по позитивным, так и по негативным параметрам – находятся в районе средних величин, в численном выражении – от 4 до 5 единиц, а более радикальные оценки по обеим группам характеристик встречаются редко. Это значит, что в психологическом плане наше общество того времени характеризуется как не «доброе» по сравнению с 1981 г., но и не «злое» по сравнению с более поздними временами. Самые выраженные негативные сдвиги по сравнению с 1981 г. наблюдаются по таким параметрам, как напряженность, спокойствие и фамильярность. Вместе с тем наблюдается и улучшение по ряду параметров, таких как апатия, безыдейность, бесправие, искренность, креативность, ложь, мужество, пустословие, оптимизм и свобода: наше общество 1991 г. по сравнению с его состоянием в 1981 г. характеризуется как более честное, свободное, оптимистичное и т. д., что едва ли нуждается в комментариях.

В связи с сопоставлением экспертами психологического состояния России в 1981 и 1991 гг. следует в очередной раз подчеркнуть, что характеристика ее состояния в 1991 г. от-

носились к дореформенному периоду. Если воспринимать экспертные оценки как выражение объективной реальности, то они служат опровержением распространенной точки зрения, согласно которой радикальное ухудшение психологической атмосферы России явилось *результатом реформ*, которые принято отмерять от 1991 г. Согласно же мнению экспертов, радикальные психологические изменения произошли *до начала реформ* (хотя и продолжились в дальнейшем), став продуктом тех социально-политических, экономических и макропсихологических процессов, которые развернулись *не в 1990-е гг., а раньше*. Действительно, очевидные симптомы начала развала страны, ее неуправляемости, обострения межэтнических отношений, криминализации и легализации криминальных отношений, деградации морали, появления личности нового типа, ориентированной на деньги и их зарабатывание любыми, в том числе и криминальными, способами, и т. п. проявлялись уже как минимум в конце 1980-х годов, а реформы начала 1990-х годов были активно поддержаны населением, поскольку воспринимались им как путь к преодолению этой ситуации. Существенно подчеркнуть и то, что значительное приращение воспринимаемой свободы произошло к 1991 г., т. е. *еще при советской власти*, а в дальнейшем пошло на убыль.

В данной связи уместно вспомнить высказанную многими известными политологами (Kimmel, 1990; и др.) мысль о том, что *революции и другие радикальные социальные ре-*

формы, вопреки марксистской логике, являются реакцией не на отсутствие изменений (всевозможные «застои»), а на неудачные реформы более раннего периода. (В частности, наша Октябрьская революция была предварена Февральской революцией и вызванной ею неуправляемостью страны.) Вместе с тем необходимо учитывать, что в подобных бифуркационных точках развития общества у него *всегда есть выбор*, и хотя такие идеологи отечественных реформ, как, например, Е. Т. Гайдар, постоянно подчеркивали, что в 1991 г. у нашей страны выбор отсутствовал и избранный ими сценарий был единственно возможным (Гайдар, 2006), представляется, что в действительности имелись другие, и притом позитивные, варианты развития событий; впоследствии это было признано даже такими зарубежными адептами радикальных рыночных реформ, как М. Фридман.

«Созидательный альтруизм» и «агрессивный эгоизм»

Аналогичный вектор психологических изменений нашего общества был зафиксирован другими исследователями, в том числе и социологами, в последние годы проявляющими большой интерес к его социально-психологическим характеристикам, что очень симптоматично. Так, в 2005 г. ВЦИОМ предложил респондентам вопрос: «Как, на ваш взгляд, за последние 10–15 лет изменились качества людей, которые вас

окружают?». По мнению опрошенных, у наших сограждан значительно усилились такие качества, как цинизм и «умение идти напролом», и существенно ослабили бескорыстие, патриотизм, верность товарищам, доброжелательность, душевность, взаимное доверие, честность и искренность (Чего делать нельзя..., 2012). Результаты другого опроса ВЦИОМ, проведенного в следующем, 2006 г., продемонстрировали, что, по мнению двух третей населения, в последние годы морально-нравственный климат нашего общества изменился в худшую сторону. А еще одно исследование показало, что на вопрос: «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в 1990 г. ответили утвердительно 34,7 % россиян, в 1999 г. – уже 22,9 %, в 2000-е годы – примерно столько же, т. е. уровень межличностного доверия в нашем обществе снизился в 1990-е годы, а затем оставался практически без изменения на довольно низком уровне, сопровождаясь также низким уровнем доверия социальным институтам (Татарко, 2011).

Аналогичную динамику обнаруживает и изменение *ценностных ориентаций* наших сограждан, выявленное Г. М. Зараковским (Зараковский, 2009), а Д. В. Сочивко и Н. А. Полянин на основе проведенного ими исследования дают такую характеристику социально-психологической атмосферы современной России: «Наша страна находится в том состоянии, которое Дюркгейм назвал «аномией», что объясняет возникновение многих современных социаль-

ных проблем: кризис нравственности и правового сознания, социальная нестабильность, политическая дезориентация и деморализация населения, падение ценности человеческой жизни, утрата ее смысла, экзистенциальный вакуум, цинизм, ценностный и правовой нигилизм. Как следствие, наблюдается рост агрессивных и преступных тенденций, прогрессирующее отчужденности, повышенной тревожности, деформации правосознания в молодежной среде» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 182–183).

При этом обнаруживаются существенные расхождения ценностных ориентаций различных социальных групп, в первую очередь, молодежи – «детей 1990-х и 2000-х», сформировавшихся как личности в эти годы, и «советских» поколений¹³. Так, в исследовании Н. М. Лебедевой показано, что в начале 2000-х годов приоритетными ценностями российских студентов были независимость, самоуважение, свобода, достижение успеха, самостоятельный выбор целей и др., а их преподавателей – ответственность, социальный и национальный порядок, мир на Земле, честность, уважение к старшим (Лебедева, 2000). Большие различия в ценностных ориентациях поколений выявлены и другими авторами (Зараковский, 2009; и др.), причем утверждается, что наша молодежь формирует и свою собственную мораль, в рамках

¹³ Отметим, что «конфликт поколений» в том или ином виде существует в любом обществе, но в своих экстремальных формах он тоже служит симптомом его психологического неблагополучия.

которой, например, агрессивность является позитивным качеством, а наглость, развязность, бесцеремонность и т. п. объединяются тоже позитивным понятием «раскованность». Впрочем, и на констатацию «Каково общество – такова и молодежь» (Сочивко, Полянин, 2009, с. 200) трудно что-либо возразить, равно как и на утверждение о том, что «Рассчитывать на эффективную культурную самореализацию молодого поколения в большом обществе не приходится» (там же, с. 202).

Интерпретация полученных данных может быть построена вокруг двух принципиальных возможностей (а также их комбинации). Первая состоит в рассмотрении динамики психологического состояния России как *объективно* представленной сквозь призму его восприятия экспертами-психологами. В этом случае приходится признать, что: 1) эта динамика в целом негативна; 2) психологическое состояние современного российского общества очень неудовлетворительно; 3) нашему обществу в значительной мере свойственны такие характеристики, как агрессивность, апатия, безыдейность, бесправие, беспринципность, бесцеремонность, враждебность, грубость, жестокость, ксенофобия, ложь, наглость, насилие, невоспитанность, пустословие, сквернословие, хамство; 4) наиболее выраженными отрицательными характеристиками современного российского общества являются алчность, меркантильность и эгоизм. При этом, естественно, надо оговориться, что, даже при признании объек-

тивного характера такой картины, «общество в целом» представляет собой абстракцию, любое реальное общество состоит из конкретных индивидов и различных социальных групп, подобная картина носит сугубо обобщенный, не учитывающий индивидуальные различия и многие другие нюансы характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.